Среди остатковъ стараго творчества духа и богатствъ природы[1]).

ередъ разрушенной пристройкой чудный большой цвѣтникъ, но цвѣты нѣкоторые уже сжались, почернѣли, нельзя различить прежнихъ яркихъ, благоухающихъ цвѣтовъ; краски и ароматъ ихъ пропали. Чудныя хризантемы, сломанныя вѣтромъ, лежатъ на влажныхъ еще дорожкахъ парка. На одной изъ молодыхъ березъ, возлѣ скамьи, четко карандашемъ написано: «Прости лѣто»,— сколько грусти чувствуется въ этихъ словахъ. Недолгое красное лѣто прошло, надежда не осуществилась, ожиданія были напрасны. Природа же съ каждымъ днемъ теряетъ свои прелести; цвѣты, небо, изумрудная зелень луговъ не приносятъ прежнихъ наслажденій; обнажаются деревья, стряхивая съ себя кучи желтыхъ листьевъ, засыпая ими паркъ и старую одинокую пристройку. А въ этомъ разрушенномъ домѣ когда-то была жизнь сладкихъ восторговъ и упоенія святого; въ дни былого счастія не вѣрилось въ возможность упадка и разрушенія. Невольно вспоминаются стихи поэта того времени, нѣкогда имъ написанные въ старый сохранившійся альбомъ:

Ищу ту комнату, гдѣ въ ризахъ золотыхъ,
Въ кивотѣ блещетъ ликъ угодниковъ святыхъ;
Гдѣ льется тихій свѣтъ негаснущей лампады,
Гдѣ въ грустные часы и свѣтлый часъ отрады,
Съ надождой теплою, сіяющей въ очахъ,
Молитва здѣсь носилась на устахъ...
Ищу блескъ залы опустѣлой,

[1]) См. сент.

Гдѣ Виртовскій рояль стоитъ осиротѣлый,
Звучавшій дивною игрой;
Гдѣ эхо вторило пріятный голосъ твой,
Когда Варламова ты воскрешала звуки,
Иль Титова пѣснь, исполненную муки,
Или Бетховена передовала мнѣ,
Тамъ все молчитъ теперь...

Быть можетъ, жившій тогда вельможа понялъ ложную честь, шутовское благородство и слово *долгъ*, всю суетность земного блеска, всю неудовлетворительность бурныхъ наслажденій, заперся здѣсь, въ деревнѣ, предавшись наукамъ, рылся въ книгахъ, вглядывался въ природу, дѣлая разные опыты, и мечталъ разгадать, малодушный, всѣ тайны міра...

Можетъ быть отсюда вышелъ тотъ договоръ, приглашающій дворянство вступить въ братское общество. Договоръ этотъ начинался такъ: «Мы нижеподписавшіеся, клянемся честью благородныхъ людей жить и умереть братьями, стоять другъ за друга горою во всякомъ случаѣ, не жалѣть ни трудовъ, ни денегъ для услугъ взаимныхъ, поступать всегда единодушно, наблюдать общую пользу дворянства, вступаться за притѣсненныхъ и помнить русскую пословицу: Тотъ дворянинъ, кто за многихъ одинъ; не бояться ни знатныхъ, ни сильныхъ, а только Бога и Государя; смѣло говорить правду губернаторамъ и воеводамъ, никогда не быть ихъ прихлебателями и не такать противъ совѣсти. А кто изъ насъ не сдержитъ своей клятвы, тому будетъ стыдно, и того выключить изъ братскаго общества».

Токой договоръ ходилъ въ то время по рукамъ многихъ помѣщиковъ, чиновниковъ и оставныхъ военныхъ.

Я сошелъ внизъ по аллеѣ, отворилъ калитку парка и вышелъ на лугъ; видно было, какъ около псарни охотники разбирали собакъ на своры, спѣшно садились на лошадей и уѣзжали одинъ за другимъ къ полямъ, чтобы тамъ, выровнявшись, лихо травнуть залегшаго въ сорахъ русака. Собаки и лошади уже давно вытянулись и ждутъ работы въ «отъѣзжемъ». Любуясь картиной выѣзда охоты, я невольно задалъ вопросъ: Зачѣмъ понадобилось нашимъ талантливымъ художникамъ 50-хъ годовъ—Петру Соколову, Сверчкову и другимъ, изображать чудныя и чарующія сцены

псовой охоры въ карикатурномъ видѣ, уродовать лошадей, собакъ и самую природу? Историкъ русской живописи, упоминая о художникахъ, говоритъ: Физіономіи дѣйствующихъ въ картинахъ лицъ покосились отъ страсти, или заплыли отъ пьянства, одежда на нихъ мятая и рваная, лошади или мчатся въ бѣшенствѣ, или въ видѣ невозможныхъ клячъ, едва перебираютъ ногами; избы готовы развалиться, дороги—непролазныя отъ слякоти, небо—тусклое до отчаянія, а лѣса обдерганные осеннимъ вѣтромъ.

Эти скучныя произведенія нашихъ художниковъ не отразили и частички той красоты типовъ, которыми всегда была богата псовая охота.

Неужели чувство восторга такъ рѣдко оставалось у художника въ своемъ чистомъ видѣ при наблюденіи сценъ охоты хотя бы въ общемъ впечатлѣніи отъ самой ея помпезности. Почему все, что составляло псовую охоту, художниками грубо и рѣзко подчеркивалось? Неужели въ основаніе изображенія псовой охоты должно входить и пьянство?—тогда только картина, а безъ того картины нѣтъ.

Въ общемъ картины П. Соколова—сцены охоты—изображены сильно и характерно, но все же въ картинахъ ихъ мы видимъ аляповатую копію съ прекрасной дѣйствительности. Вотъ почему и самые типы собакъ и лошадей того времени, за рѣдкимъ исключеніемъ, исчезли и до насъ не дошли.—

А. А. Евсѣевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)